

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ КАК ФОРМА РАДИКАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

ЭДУАРД ШУЛЬЦ

Центр политических и социальных технологий, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена проблеме поиска причин радикальных массовых форм социального протеста, к которым относятся коллективные действия от массовых акций протеста, сопряжённых со столкновениями с силами правопорядка, до протеста, ведущего к свержению власти и гражданским войнам. Данный вид протеста отличает, с точки зрения автора, качественно иное психологическое состояние протеста, так как протестующие готовы идти на существенный риск жизни и здоровью, потери свободы и собственности при отстаивании своих требований. Автор считает, что проявление такого протеста в самых экономически и политически развитых странах мира (2010–2011 годы в Англии, 2014 и 2017 годы в США, май 2017 г. во Франции, июль 2017 г. в Гамбурге) наряду с другими аргументами демонстрирует несостоятельность многих выдвигаемых комплексов причин возникновения радикальных массовых форм социального протеста, в частности популярных в последние десятилетия принципов «мальтузианской ловушки» (и различных её вариаций), «кривой Дэвиса» (J-Curve) и «структурно-демографической концепции Джека Голдстоуна». С точки зрения автора, проблемы лежат в области причинно-следственных связей в применении указанных подходов к радикальным массовым формам социального протеста, а также с точки зрения универсальности связи причина–явление. Одним из ключевых является перенос восприятия данных принципов из области экономических в сферу социальной психологии и комплексы психологических причин радикальных массовых форм социального протеста. Автор приходит к выводам, что «мальтузианская ловушка» (и различные её вариации), «кривая Дэвиса» и «структурно-демографическая теория Голдстоуна» не могут рассматриваться в качестве причин возникновения радикальных массовых форм социального протеста и в состоянии выступать лишь как сопутствующие факторы и условия, способные создать питательную среду для появления недовольных, но не осуществить качественный переход между состоянием протеста и его радикальными и массовыми формами.

Ключевые слова:

мальтузианская ловушка; кривая Дэвиса; структурно-демографическая теория; причины социального протеста; радикальные массовые формы социального протеста; теория социального протеста.

Дата получения рукописи: 23 октября 2017 г.

Дата принятия к публикации: 22 октября 2018 г.

Для связи с автором /Corresponding author:

Email: nuap1@yandex.ru

С 9 августа по 2 декабря 2014 г. в городке Фергюсон штата Миссури и в ряде других городов США в поддержку Фергюсона проходили акции протеста, достигшие такого уровня противостояния, что власти были вынуждены привлекать Национальную гвардию. Протесты января–февраля 2017 г. против президента Трампа не перешли эту грань. Протесты во Франции в мае 2017 г. против обоих кандидатов в президенты, вышедших во второй тур голосования на выборах, не были массовыми, но являлись радикальными. 8 июля 2017 г. демонстрация в Гамбурге против саммита G-20 переросла в столкновения с полицией. 9 июля беспорядки продолжились. Полиция применила водомёты и слезоточивый газ. В результате столкновений пострадали около 500 полицейских, было арестовано более 300 человек. По разным данным, в акциях протеста приняли участие от 20 до 50 тыс. чел.¹

Что объединяет эти события? Эти и подобные им протесты относятся к радикальным массовым формам социального протеста, так как они вовлекают в свою орбиту большое количество людей и обязательно влекут к столкновениям с силами правопорядка, и считаются не характерными для стран с высоким уровнем демократии и благосостояния населения. Проявление таких форм протеста в самых развитых странах, и особенно последние события в Германии, заставляет задуматься над состоятельностью большинства выдвигаемых специалистами причин возникновения радикальных массовых форм протеста.

1

Существует тезис, что чем демократичнее режим, тем меньше шансов у «революционеров» (как собирательный термин)

[Tilly 2006: 161]. Здесь, на наш взгляд, необходимо вести речь, *во-первых*, о тезисе А. Камю, что бунт не происходит в двух крайних точках общества, где неравенство слишком велико или где существует абсолютное равенство [Камю 1998: 77]; а *во-вторых*, что при высоком уровне демократии (ключевым в определении является возможность канализировать радикальный протест в избирательный процесс и уверенность потенциальных протестующих в возможности решить проблему «меньшей кровью» и законно, то есть через выборы), которая обязательно сочетается с высоким уровнем материального благосостояния, шансы на возникновение, и уж тем более широкое развитие, радикальных массовых форм социального протеста достаточно низки. Тем примечательнее примеры проявления такого протеста для исследовательского анализа. В данном случае – анализа причин возникновения данного явления.

Для начала определимся с терминами. Одной из ключевых проблем представляется как раз неопределённость и размытость понятий. Так, выдвигая причины протеста, большинство исследователей объединяет различные комплексы, характерные для разных форм протеста, как для мирных демонстраций, так и протестов, связанных со столкновениями с силами правопорядка. Следует отметить, что причины, заставляющие людей выйти на протестные акции, которые видятся в экономических лозунгах или рассматриваются в рамках теории рационального выбора, могут быть вполне жизнеспособными для обычных протестных акций, но крайне несостоятельны, когда речь заходит о радикальных и массовых формах протеста [см.: Шульц 2014: 403–406; Finkel, Muller, Opp 1989:

¹ Беспорядки в городе Фергюсон в США. 18.08.2014 // URL: <http://tass.ru/info/1386536> (дата обращения: 06.08.2017); Битва за Гамбург: последствия протестов во время саммита «Большой двадцатки». RT. 9 июля 2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/407244-protesty-gamburg-g20> (дата обращения: 06.08.2017); В Гамбурге около 20 тыс. человек вышли на демонстрацию против саммита G20. Интерфакс. 8 июля 2017. URL: <http://www.interfax.ru/world/569811> (дата обращения: 06.08.2017); В результате беспорядков в Гамбурге пострадали около 500 полицейских. Lenta.ru. 9 июля 2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/07/09/hamburg/> (дата обращения: 06.08.2017) Demonstranten bringen Chaos und Gewalt. Bild. 07.07.2017. URL: <http://m.bild.de/regional/hamburg/g20-gipfel/der-g20-gipfel-am-freitag-in-hamburg-52464820.bildMobile.html> (access date: 25.07.2017).

885–886; Gibson 1997: 672; Olson 2002: 1, 3, 22–23, 51–52; Saxton 2005: 5, 7, 8]. (В случае так называемой непреднамеренной эскалации – когда люди выходили на мирный протест, но поддались динамике толпы, и протест перешёл в радикальные формы – теория рационального выбора тем более не работает, так как согласно ей такие демонстранты должны покинуть протестную толпу.)

В 2014 г. мы предложили для обозначения определённых форм социального протеста, вовлекающих в свою орбиту значительное количество участников и приобретающих крайнюю форму проявления, понятие «радикальные массовые формы социального протеста» [Шульц 2014а; Шульц 2014с; Шульц 2014d]. Параллельно в литературе появилось определение «экстремальные формы социального протеста», в котором авторы рассматривают волны протеста в связи с высоким уровнем склонности к социальной агрессии [Дашкова, Никифорова 2014: 62]. Не оспаривая в целом правомочность использования понятия «экстремальный», следует всё же сделать несколько замечаний. Слова «радикальный» и «экстремальный» имеют значение «крайний, предельный», при этом «радикальный» включает в свой комплекс смысловых понятий «отражающий радикальные взгляды, радикальные партии»², а «экстремальный» – «связанный с опасностью для жизни», «необычный по трудности, сложности», «проходящий в экстремальных условиях»³. И если мы в своём исследовании опираемся только на первое значение этих слов, то использование понятия «экстремальные формы социального протеста» сильно связано и с остальными коннотациями слова [Дашкова, Никифорова 2014]. Более того, кроме радикальности форм протеста для нас важна и массовость, потому что ключевая проблема, на наш взгляд, связана не с самим принципом

протеста небольшим набором случайных людей «с негативным психологическим потенциалом», а с представлением серьёзной общественной поддержки протестному движению, где действия протестующих могут (и чаще всего именно так и происходит) не означать для них антисоциального поведения, а считаться ими (и частью социума) общественными действиями против власти, оторвавшейся от этого общества.

Видов и типов протеста можно представить множество: от индивидуального протеста до протеста целых социальных групп и всего общества, однако если вести речь о радикальных массовых формах социального протеста, то мы бы выделили четыре типа:

(1) Массовые формы протеста в легальных и полуполициальных формах – демонстрации, забастовки, пикеты, столкновения с полицией, но без вооружённого восстания.

(2) Восстания и мятежи. Могут перетекать из первого пункта, а могут случаться независимо; могут быть подавлены или обеспечить победу зачинщикам, а могут переходить в полноценную гражданскую войну. В связи с тем что они представляют собой вооружённое столкновение одной части общества с другой, они могут рассцениваться как гражданская война, однако под гражданской войной мы понимаем более длительное и более напряжённое противостояние в обществе, в котором может наличествовать целый ряд восстаний и мятежей. С видом «революции» сближает феномен т.н. «проигравших революций» – когда по всем признакам в стране потенциально происходит революция, но из компонентов присутствуют только массовые формы протеста и вооружённое восстание, в ходе которых не удалось осуществить государственный переворот (революция в Германии 1848–1849 гг., Парижская коммуна, события в России 1905–1907 гг. и т.д.).

² URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/993446> (дата обращения: 21.12.2016).

³ URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/273802> (дата обращения: 21.12.2016); URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 21.12.2016).

(3) «Гражданская война» – вооружённое противостояние различных групп одного общества, носящее длительный и напряжённый характер и вовлекающее большую часть этого общества.

(4) «Революция» – может включать в себя все вышеперечисленные радикальные массовые формы социального протеста. Любая революция, в том числе неудавшаяся, уже представляет собой гражданскую войну, так как разные группы людей с оружием в руках (в качестве которого могут выступать «подручные средства») пытаются навязать друг другу и обществу свою волю и представления о справедливости. Однако под гражданской войной обычно понимается длительное вооружённое противостояние различных групп общества, связанное с крайней степенью напряжённости в обществе и большими человеческими потерями. Революция может существовать без гражданской войны: такими стали большинство революций 1989–1991 годов в Восточной Европе, часть национально-освободительных революций (во Вьетнаме гражданская война была, а в Индии – нет). Гражданская война может существовать без революций: таковыми были религиозные и крестьянские войны XVI–XVII веков.

Силовое противостояние в обществе служит идентифицирующим признаком данного явления; а уровень противостояния в обществе – классифицирующим признаком. Ключевым является иное качественное психологическое состояние протеста, так как протестующие готовы идти на значительный риск жизни и здоровью, потери свободы и собственности при отстаивании своих требований.

Идентифицирующий признак и принципиально иное качество, отличающее радикальные массовые формы социального протеста от других форм, позволяет утверждать, что все проявления этой формы социального протеста являются единым явлением. Если вести речь о причинах возникновения явления, то очевидно, что причина или комплекс причин должны самостоятельно или в комплексе с другими проявляться каждый раз, когда возникает

это явление. Если то, что называется причиной, не проявляется в каждом явлении, то оно не может считаться таковой.

Требует отдельной оговорки использование термина «революция» и упоминание данного социально-политического явления. Конечно, революции являются сложным политическим и социальным явлением, которое не может быть исключительно определено его составляющими [см.: Шульц 2016: 113–114, 171–217], но любая революция содержит в себе три обязательных компонента: социальный протест (в различных формах), госпереворот и кардинальные преобразования в государстве. В данном случае мы рассматриваем причины возникновения радикального протеста в революциях, но не причины самих революций.

С точки зрения социального протеста ошибочно считать, что события в Гамбурге, Фергюсоне или на Тахрире-2011 и Майдане-2004 или 2014 чем-то принципиально отличаются. Во всех случаях радикально настроенные элементы или группы пользуются протестными акциями для перевода их в радикальные формы. Разница заключается в том, что в первых двух случаях, в отличие от последних, противостояние в обществе не имело достаточно большой питательной базы для перерастания в длительное и серьёзное состояние и прохождения того же алгоритма [см.: Шульц 2014с: 35–42]. Причины отсутствия дальнейшей радикализации и роста массовости протеста лежат в уровне демократии и благосостояния США, Германии, Великобритании и Франции. При этом причины, которые вызывают это явление, должны быть одинаковыми.

2

Уже к концу XVIII – началу XIX в. в общественных науках сложился комплекс выдвигаемых причин восстаний, мятежей, смут и революций, который эксплуатируется до сегодняшнего дня и условно делится на «экономические», «социальные» и «психологические» [см.: Шульц 2014а: 40–51; Шульц 2014б: 102–119].

Экономический ещё с XIX в. стал выступать «кандидатом номер один» на объяснение причин радикальных массовых форм социального протеста. В связи с этим рассматривались как экономическая система, так и конкретные проблемные проявления в экономике, которые оказывали влияние на дефицит продуктов и их стоимость, что приводило к социальной напряжённости [Блос 1906: 26; Жорес 1977: 63, 193; Маркс 1959: 6–7; Спенсер 2007: 69, 189]. Даже появилась концепция волн, согласно которой революции (как одно из самых сильных проявлений социального протеста, особенно в радикальных и массовых формах) происходили и происходят в зависимости от циклического развития экономики в период кризисов [см.: Гринин 2009: 75–76].

Еще в рассуждениях о причинах Американской революции 1775–1783 годов Гегель (1770–1831) отметил, что бунт разразился не из-за денег и налогов, а из-за самого принципа, кто имеет право облагать этими налогами. «Налог, введённый английским парламентом на чай, который импортировала Америка, был ничтожен; однако уверенность американцев в том, что вместе с совершенно незначительной суммой, составляющей этот налог, они потеряют и своё важнейшее право, привела к революции». «Происходит это потому, что англичанин свободен, что он пользуется правами, даруемыми свободой, – одним словом, потому что он сам облагает себя налогами» [Гегель 1978: 56].

Однако XIX век дал толчок развитию экономизма и поиску причин всех явлений в экономическом базисе. В первую очередь это сказалось на осмыслении причин радикальных массовых форм социального протеста.

В середине XIX в. появилась теория, выстраивающая прямую зависимость между революциями и экономическим развитием и состоянием общества, вошедшая в историю под названием «марксизм» и оказавшая одно из самых серьёзных влияний на изучение радикальных массовых форм социального протеста. Однако революции – это явление довольно редкое, а социаль-

ный протест имел место значительно чаще. Более того, исторически не каждый экономический кризис приводил к массовым протестам. Тем более не приводили к ним небольшие ухудшения в экономике и незначительное падение благосостояния граждан. Вот почему произошёл сдвиг в объяснении экономических причинами исключительно революций, хотя и тут эти объяснения приобрели множество оговорок, дополнений, при том что некоторые марксисты–практики революционного движения: Каутский, Ленин, Грамши, Че Гевара с ним не соглашались [Грамши 1959: 196; Гевара 2006: 331; Каутский 1959: 77; Ленин 1969a: 269; Ленин 1969b: 219–220; Ленин 1973: 300].

Уход «чистой экономики» на вторые роли в исследовании протестов подтолкнул исследователей к определению причин радикальных массовых форм социального протеста как к некоей комбинации необходимых условий.

Одним из таких «комбинированных условий» стала концепция Джеймса Дэвиса («кривая Дэвиса», J-Curve), гласящая, что революции (а сюда американский социолог относил все сильные протестные проявления) происходят тогда, когда период подъёма, внушивший людям надежды, сменяется резким упадком [Davies 1962: 5–19]. Иными словами, протест вызывается не столько отчаянием, сколько повысившимися требованиями к жизни. Этот принцип часто используется как экономический, хотя, на наш взгляд, здесь речь идёт о психологическом факторе сравнения двух состояний «было–стало», при этом и «было» и «стало» демонстрируют достаточно высокий уровень для этих общества и времени. Данный принцип стал продолжением ряда наблюдений и заключений Фрэнсиса Бэкона, Алексиса де Токвиля и Лайфорда Эдвардса, однако эти авторы не выдвигали его в качестве первостепенного (а уж тем более – в качестве коренной причины), отмечая скорее как часто замечаемую сопутствующую психологическую особенность [Бэкон 1978: 383; Токвиль 2008: 31; Edwards 1970: 35–36]. Достаточно очевидно, что не

каждый экономический кризис, повышение цен, снижение доходов или неурожайный год ведут к радикальным массовым формам протеста, вот почему данный принцип не может считаться самостоятельной причиной. Тем не менее с упорством, явно заслуживающим лучшего применения, исследователи то и дело возвращаются к нему в поисках объяснений. (Так, например, принцип Дэвиса усматривается в качестве причин «Оранжевой революции» на Украине [см.: Коротаев 2014: 56–74].)

Схожая судьба преследует и две другие популярные в последние два десятилетия гипотезы – принцип «мальтузианской ловушки» и «структурно-демографическую концепцию» Джека Голдстоуна, которые стали своеобразным ответом на запрос на комбинированные условия в причинах радикальных массовых форм социального протеста.

Труд Мальтуса «Опыт закона о народонаселении» был достаточно популярен при жизни автора, но подвергнут серьёзной критике со стороны научного сообщества [Мальтус 1895: XXX, XL, XLI; Wopar 1885: 3], а в 1856 г. даже был внесён Священной конгрегацией в список запрещённых в связи с отставанием идей контроля населения [см.: Мальтус 1895: VIII, XVIII, XVIII]. Имя этого английского экономиста середины XIX в. ассоциируется с названием принципа, в основе которого лежит зависимость уровня населения от производительных возможностей территории (страны). Принцип «мальтузианской ловушки» стал одной из социально-экономических моделей для так называемых доиндустриальных обществ: рост населения обгоняет рост производства продуктов питания, поэтому в долгосрочной перспективе не происходит ни роста производства продуктов питания на душу населения, ни улучшения условий жизни большинства населения. Данная модель является исторически спорной, на что не раз указывали и историки, и экономисты [см.: Шульц 2014d: 388–395; Crouzet 2001: 87]. И тем не менее лежащие в её основе принципы продолжают широко использоваться для про-

яснения причин возникновения радикальных массовых форм социального протеста и, более того, вновь обрели популярность в последнее десятилетие XX – первые годы XXI в. [см.: Гринин, Малков, Гусев, Коротаев 2009; Turchin, Korotayev 2006]

С механизмом «мальтузианской ловушки» связан принцип действия демографического фактора, выдвигаемый в качестве первопричины революций и массовых радикальных форм социального протеста Джеком Голдстоуном. Американский политолог считает, что периоды революций и значимых народных выступлений (восстаний, крестьянских войн и т.д.) напрямую связаны с волнами демографического роста. Так, первая такая волна в Новом времени привела к Нидерландской и Английской революциям; вторая волна – с 1770 по 1850 год – привела к французским революциям, революциям в Европе 1848–1850 годов, крестьянской войне Пугачёва в России и т.д.; а период 1660–1760 годов, когда демографическая ситуация ухудшалась, отметился в истории лишь некоторыми мало значимыми социальными выступлениями [Goldstone 1991: 2–3]. Что касается периода Нового времени, то Голдстоун считал, что аграрные государства не могли справиться с постоянным ростом населения: уровень населения превышал плодородие земли, что и вело к социальным возмущениям; в последних работах Джек Голдстоун стал рассматривать рост населения как бомбу замедленного действия и для современной цивилизации тоже [Goldstone 1991: 2–3, 27, 31, 419–421; Goldstone 2010: 31].

Уже Жан Жорес в начале XX в. всерьёз рассматривал демографический рост в качестве фактора, вызвавшего к жизни Великую французскую революцию [Жорес 1977: 63, 193]. Джек Голдстоун выдвинул этот принцип в качестве основной причины радикальных массовых форм социального протеста [Goldstone 1991: 2–3, 27, 31, 419–421; Goldstone 2010: 31], положив в основание концепцию «мальтузианской ловушки» и идеи немецкого историка экономики Вильгельма Абеля, выделявшего существование исторических демографических

циклов Европы, когда рост населения вёл к росту цен и снижению заработной платы, а уменьшение населения соответственно к обратным процессам [Abel 1935].

Э

При рассмотрении вышеизложенных концепций необходимо отметить изначальный конфликт, заложенный в причинно-следственную связь этих трёх рассматриваемых теорий: если некая причина вызывает явление, то явление должно упразднить причину, иначе эта причина должна вызывать это явление снова и снова. Ни один радикальный массовый протест не упраздняет мальтузианскую ловушку и принцип Дэвиса. Напротив, в результате противостояния дела в экономике только ухудшаются, что, по идее, должно снова вызывать волны протеста.

Существенные демографические потери, которые могли бы снизить давление на общество и власть и упразднить причину возмущений, происходили в считанном количестве проявлений радикальных массовых форм социального протеста, и их точно не происходило в упомянутых «бархатных», «цветных» и арабских «революциях». *Во-первых*, если «демография» воздействует на экономику и социальную систему и порождает радикальные массовые формы социального протеста, то противостояние в обществе должно продолжаться до тех пор, пока численность населения не уменьшится настолько, чтобы снова повысить уровень материального благосостояния на душу населения. Однако такие масштабные и продолжительные смуты (которые способны были настолько сократить население), как правило, приводят к полному упадку экономики, что должно было бы вызывать ещё большее недовольство и новые протестные выступления, но такое развитие событий невозможно даже теоретически и на практике никогда не встречалось.

Возможно и другое объяснение. Например, общество устало от периода потрясений и жаждет мира любой ценой. Последнее встречается в истории достаточно часто.

Этот принцип заложен, например, в феномене бонапартизма — когда после длительной смуты и потрясений общество приветствует во власти сильную фигуру, с которой придёт мир и спокойствие. Такой же феномен наблюдался после Смуты начала XVII в. в России, после революции и Гражданской войны 1917–1922 годов. Однако во всех странах цветных революций (куда относятся и события «арабской весны») не было длительного периода социального противостояния, так что потенциал этого протеста не исчерпан, а общество не могло успеть от него устать.

Во-вторых, анализ всех значимых проявлений радикальных массовых форм социального протеста от крестьянских войн XV в. и революций XVII в. до сегодняшнего дня показывает, что экономические кризисы, мальтузианская ловушка, демографический фактор, принцип Дэвиса: (1) могли наличествовать, но не вызывали взрыв протеста в общества (Китай и Индия 2-й пол. XX в., Россия 1993–2000 годов, страны, по которым прокатились события «арабской весны», на протяжении нескольких десятилетий до этого и т.д.); (2) не наличествовали во всех таких проявлениях [см.: Шульц 2014d: 385–400]. И если первое говорит о том, что им могли требоваться сопутствующие факторы, без которых они не могли вызвать этот протест, то второе — о том, что они не могут рассматриваться как причины этого явления.

В-третьих, проявления радикальных массовых форм социального протеста в самых развитых странах, к которым неприменим принцип мальтузианской ловушки (в любой её модификации), где не наличествовал на тот момент ни принцип Дэвиса, ни условия структурно-демографической концепции Голдстоуна, только подтверждают эти выводы.

Хотелось бы подчеркнуть и ещё одну ошибку в применении мальтузианской ловушки, структурно-демографической концепции и принципа Дэвиса в качестве причин социального возмущения и массового радикального протеста. Проблема в том, что мышление современного человека

эпохи «общества потребления» приписывает предыдущим эпохам – там, где черпается большинство самых значимых примеров в качестве доказательной базы выдвигаемых теорий. Такой прямой перенос абсолютно неправомерен. Человек Средневековья и отчасти в Новое время воспринимал свой достаток как данность (Богом данный, трудом и т.д.). Фрустрация начинается тогда, когда уровень твоего достатка разнится с референтными группами, а в Средние века таковыми выступали жители округи, потом страны, то есть такие же крестьяне и горожане. Новое время привнесло фактор интернационализации и сравнений с состоянием за пределами государства, но, *во-первых*, уровень этой информированности был достаточно ограничен, *во-вторых*, уровень материального благосостояния граждан различных европейских государств, принадлежащих к одним и тем же социальным группам, отличался незначительно почти до Новейшего времени. При этом всегда следует учитывать, что оценка привычного уровня потребления в разных странах и культурах всегда разнится. Ежедневный стол европейского крестьянина Средних веков и Нового времени мог представляться праздничным для русского и пиришественным для китайского. Здесь важен не сам факт голода и недоедания, а представление об уровне, который должен быть.

Вообще именно представление о существующем положении всегда превалирует над реальным состоянием дел в контексте возникновения социального протеста в радикальных и массовых формах. Так, «голодным годам» во Франции сопутствовал фактор панических настроений и резко негативного отношения к богатым и торгующим продовольствием [см.: Чеканцева 2012: 132, 133, 161], что и вылилось в социальный взрыв эпохи Французской революции. В Петрограде считали, что в городе нехватка продовольствия и скоро наступит голод. Эти примеры будут сопровождать каждое проявление радикальных массовых форм социального протеста вплоть до сегодняшнего дня. Так, для событий

«арабской весны» ряд исследователей справедливо отмечает завышенные требования молодого населения арабских стран, воспринявших через СМИ и Интернет высокие «западные» потребительские запросы [Васильев 2012: 8–17; Политическое цунами 2011: 270]. И эти утверждения будут справедливы для всех «цветных революций».

4

К протесту приводит не само ухудшение материального положения, а подозрения в ответственности правительства за эту ситуацию, а также неверие в его способность решить проблемы. Таким образом, периоды ухудшения положения могут являться своеобразным спусковым крючком, могут стать поводом для недовольных, но переход в радикальное и массовое состояние протеста потребует дополнительных условий: определённого восприятия ситуации и наличия партии (группы/групп), нацеленной на использование протестных настроений в политических целях.

В развитых странах неверие в способность правительства изменить положение вместо выплеска серьёзного социального протеста канализируется в выборный процесс (чему способствуют традиции и уровень демократии и высокий уровень благосостояния общества), однако и здесь мы наблюдаем «срывы»: (1) уверенность в том, что государство никак не собирается реагировать на проблему убийства полицейскими чернокожих, привело к «Фергюсону»; (2) нежелание ждать четыре года правления Трампа привели к массовым акциям, пограничным с радикальными; (3) протест против отсутствия кандидатов, за которых хотелось бы проголосовать, – к радикальным протестам во Франции в мае 2017; (4) отчаяние в методах прежней борьбы, которые не дали результатов, и нежелание власти услышать – к выступлениям антиглобалистов в Гамбурге 8–9 июля 2017 года.

* * *

Проведённый анализ подводит к заключению, что причины возникновения социального протеста, особенно в его массовых

радикальных формах, по всей видимости, лежат в плоскости психологии, что и делает протест удобным объектом применения политических технологий. Презумпция примата «психологии», а не «экономики» и «демографии» в генезисе радикальных массовых форм социального протеста позволяет объяснить ситуацию, к которым неприменимы чисто экономические или демографические конструкции, и даёт ответ на вопрос, почему люди, выступая с протестными акциями, готовы идти на материальные потери, снижение уровня жизни и даже на риск физических повреждений или смерти в отстаивании своих прав и взглядов.

Стремление исследователей искать причины в том, что поддаётся квантификации и, таким образом, приобретает ореол научной объективности. Однако существующие подходы, включающие в себя оперирование индикаторами типа подушевого ВВП, различные алгоритмы описания и прогнозирования «мальтузианской ловушки» (мальтузианско-марксовской, урбанистической и т.п.) или кривой Дэвиса, не помогли тем не менее своевременно предсказать события «арабской весны», государственный переворот на Украине в конце 2013 – начале 2014 года, протесты в городах Фергюсон и Гамбург и вряд ли дают основания надеяться на точность такого рода прогнозов в будущем.

Список литературы

- Беспорядки в городе Фергюсон в США. 18.08.2014 // URL: <http://tass.ru/info/1386536> (дата обращения: 06.08.2017).
- Блос В.* Французская революция. 3-е изд., испр. /Пер. с фр. СПб.: Типография Альшулера, 1906. 436 с.
- Битва за Гамбург: последствия протестов во время саммита «Большой двадцатки» // RT. 9 июля 2017. URL: // <https://russian.rt.com/world/article/407244-protesty-gamburg-g20> (дата обращения: 06.08.2017).
- В Гамбурге около 20 тыс. человек вышли на демонстрацию против саммита G20 // Интерфакс. 8 июля 2017 // <http://www.interfax.ru/world/569811> (проверено 25.07.2017) (дата обращения: 06.08.2017).
- В результате беспорядков в Гамбурге пострадали около 500 полицейских // Lenta.ru. 9 июля 2017 // <https://lenta.ru/news/2017/07/09/hamburg/> (дата обращения: 06.08.2017).
- Бэкон Ф.* Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2 /Сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. С. 347–486.
- Васильев А.М.* Восстание в арабском мире: посе́вы и всходы // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 8–17.
- Гевара Э. Че.* Партизанская война как метод // Гевара Э. Че. Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006. С. 330–348.
- Гегель.* Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (ВО) к городу Берну» // Гегель. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 54–64.
- Грамши А.* Политическая борьба и война // Грамши А. Избранные произведения в трех томах /Пер. с итал. Т. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 191–200.
- Гринин Л.Е.* Психология экономических кризисов // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 75–99.
- Гринин Л.Е.* Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 198–224.
- Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Гусев В.А., Коротаев А.В.* Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки // История и математика: процессы и модели /Ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 134–210.
- Дашкова С.Ф., Никифорова Г.Ф.* Экстремальные формы социального протеста // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 10. С. 62–67.
- Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. Т. 1, кн.1. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
- Камю А.* Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в пяти томах. Т. 3. Харьков: Фолио, 1998. С. 59–360.
- Каутский К.* Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию). М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. 153 с.

- Коротаев А.В.* О возможных экономико-психологических факторах Украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 56–74.
- Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р.* ВВП на душу населения, интенси́вность антиправительственных демонстраций и уровень образования (кросс-национальный анализ) // Полития. 2017. № 1. С. 127–143.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Предисловие // Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 4–7.
- Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти (Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969а. С. 268–276.
- Ленин В.И.* Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, 1969b. С. 209–265.
- Ленин В.И.* Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 296–305.
- Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, Типо-литография О.И. Лашевич и Ко, 1895. 321 с.
- Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 1–167.
- Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке /Под ред. С. Кургиняна. М.: МОФ ЭТЦ, 2011. 287 с.
- Спенсер Г.* Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.
- Токвиль А.* Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 240 с.
- Шульц Э.Э.* «Утопия», «национализм» и «интернационализм» как основа радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 1. С. 35–43.
- Шульц Э.Э.* Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник МГУ. Серия «Политология». 2014а. № 2. С. 40–51.
- Шульц Э.Э.* Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. 2014b. № 1. С. 102–119.
- Шульц Э.Э.* Сирия: к пониманию причин событий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014с. № 29 (266). С. 35–42.
- Шульц Э.Э.* Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
- Шульц Э.Э.* Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014d. 512 с.
- Abel W.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935. 200 S.
- Bonar J.* Malthus and His Work. London: Macmillan and Co, 1885. 432 p.
- Crouzet F.* A history of the European economy, 1000-2000. Charlottesville – London: The University Press of Virginia, 2001. 329 p.
- Davies J.* Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. 27. P. 5–19.
- Demonstranten bringen Chaos und Gewalt // Bild. 07.07.2017 // <http://m.bild.de/regional/hamburg/g20-gipfel/der-g20-gipfel-am-freitag-in-hamburg-52464820.bildMobile.html> (access date: 25.07.2017)
- Edwards L.P.* The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 229 p.
- Finkel S.E., Muller E.N., Opp K.-D.* Personal Influence, Collective Rationality, and Mass Political Action // American Political Science Review. 1989. Vol. 83, No 3 September. P. 885-903.
- G20-Gipfel in Hamburg // URL: http://m.spiegel.de/thema/g20_gipfel_in_hamburg/ (access date: 24/07/2017).
- Gibson J.L.* Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values in the Former Soviet Union // The American Political Science Review. 1997. Volume 91, Issue 3 (September). P. 671–684.
- Goldstone J.* The New Population Bomb: The Four Megatrends that will Change the World // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 1. P. 31–43.
- Goldstone J.A.* Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.
- Olson M.* The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge – London: Harvard University Press, 2002. 186 p.
- Saxton G.D.* Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: a New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion // International Interactions. 2005. 31. P. 1–30.

Tilly C. Regimes and Repertoires. London, Chicago: The University of Chicago Press, 2006. 266 p.
Turchin P., Korotayev A. Population Dynamics and Internal Warfare: A Reconsideration // *Social Evolution & History*. 2006. № 5 (2). P. 112–147.

URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/993446> (дата обращения: 21.12.2016).

URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/273802> (дата обращения: 21.12.2016).

URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 21.12.2016).

CONTEMPORARY PROTEST ACTIONS IN DEVELOPED COUNTRIES AS A FORM OF RADICAL SOCIAL MOBILIZATION

EDUARD SHULTS

Center of Political and Social Technologies, Moscow 121433, Russia

Abstract

The article is devoted to the problem of searching reasons of radical mass forms of social protest., to which collective actions from the mass protests interfaced to collisions with security forces to the protest leading to overthrow of the power and civil wars belong. This type of protest distinguishes, from the point of view of the author, other qualitative psychological state of protest because protesters are ready to take the huge risk for life and health, losses of freedom and property defending the requirements). The author considers that manifestation of such protest in most economically and politically developed countries of the world (2010–11 in England, 2014 and 2017 in the USA, May, 2017 in France, July, 2017 in Hamburg), along with other arguments, shows insolvency of many put-forward complexes of the causes of radical mass forms of social protest, in particular, of the principles of "Malthusian trap", "J-curve" and "structural and demographic concept" of J. Goldstone, which are popular in the last decades. From the author's point of view a problem lie in the field of relationships of cause and effect in application of the specified approaches to radical mass forms of social protest and also from the point of view of universality of connection "reason–phenomenon". One of key is transfer of perception of these principles from area "economic" to the sphere of social psychology and complexes of the psychological reasons of radical mass forms of social protest. The author comes to conclusions that "Malthusian trap", "J-curve" and the structural and demographic theory of J. Goldstone can't be considered as the causes of radical mass forms of social protest and can act only as contributing factors and conditions which can create nutrient medium for emergence dissatisfied but not carry out high-quality transition between a condition of protest and its radical and mass forms.

Keywords:

Malthusian trap; J-curve; structural-demographic theory; reasons of social protest; radical mass forms of social protest; theory of social protest; Hamburg's protests.

References

- Abel W. (1935). *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Berlin. 200 S.
 Bacon F. (1978). Opyty, ili nastavlenija npravstvennye i politicheskie [Experiences, or manuals moral and political]. In Bacon F. *Sochinenija v dvuh tomah T. 2. M.: Mysl'*, 1978. S. 347–486.

- Blos W. (1906). *Frantsuzskaya revoljutsiya* [French revolution]. 3rd ed. SPb.: Altshuler's printing house. 436 p.
- Bonar J. (1885). *Malthus and His Work*. London: Macmillan and Co. 432 p.
- Camus A. (1998). Chelovek buntujustchij [Homo revolting]. In Camus A. *Sochineniya v 5 tomakh*. T. 3. Kharkov: Folio. P. 59–360.
- Chekantseva Z.A. (2012). *Poryadok i besporyadok: protestuyuschaya tolpa vo Frantsii mezhdru Frondoy i revolutsiej* [Order and disorder: protesting crowd in France between Opposition and revolution]. M.: LIBROKOM.
- Crouzet F. (2001). *A history of the European economy, 1000–2000*. Charlottesville – London: The University Press of Virginia. 329 p.
- Davies J. (1962). Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*. 27. P. 5–19.
- Edwards L.P. (1970). *The Natural History of Revolution*. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press. 229 p.
- Dashkova S. F., Nikiforova G.F. (2014). Ekstremal'nyie formy sotsial'nogo protesta [Extreme forms of a social protest]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i juridicheskoye nauki, kul'turologiya i ishesstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. No. 10. S. 62–67.
- Finkel S.E., Muller E.N., Opp K.-D. (1989). Personal Influence, Collective Rationality, and Mass Political Action. *American Political Science Review*. Vol. 83, No. 3. September. P. 885–903.
- Gibson J.L. (1997). Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values in the Former Soviet Union. *American Political Science Review*. Volume 91, Issue 3 (September). P. 671–684.
- Goldstone J. (2010). The New Population Bomb: The Four Megatrends that will Change the World. *Foreign Affairs*. Vol. 89. No. 1. P. 31–43.
- Goldstone J.A. (1991). *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley: University of California Press. 608 p.
- Gramsci A. (1959). Politicheskaya bor'ba i vojna [Political struggle and war]. In Gramsci A. *Izbrannye proizvedeniya v treh tomah*. S. 191–200.
- Grinin L.E. (2009). Psikhologiya ekonomicheskikh krizisov [Psychology of economic crises]. *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii*. No. 2. S. 75–99.
- Grinin L.E. (2010). Mal'tuziansko-marksova «lovushka» i russkie revoljucii ["Malthusian-Marx trap" and the Russian revolutions]. In Grinin L.E., Korotaev A.V., Malkov S.Ju. (eds). *O prichinakh Russkoj revoljutsii*. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. C. 198–224.
- Grinin L.E., Malkov S.Yu., Gusev V.A., Korotayev A.V. (2009). Nekotorye vozmozhnye napravleniya razvitiya teorii social'no-demograficheskikh ciklov i matematicheskie modeli vyhoda iz mal'tuzianskoj lovushki [Some possible directions of development of the theory of social demographic cycles and mathematical models of an exit from a Malthusian trap]. In Grinin L.E., Malkov S.Yu., Korotayev A.V. (eds). *Istoriya i Matematika: protsessy i modeli*. M.: LIBROKOM. P. 134–210.
- Guevara E., Che. (2006). Partizanskaya vojna kak metod [Guerrilla war as method]. In Guevara E., Che. *Stat'i, vystupleniya, pis'ma*. M.: Kul'turnaya revol'utsia. S. 330–348.
- Hegel. (1978). Iz "Konfidenzialnykh pisem o prezhnem gosudarstvenno-pravovom otnoshenii zemli Vaadt r gorodu Bernu" [From «Confidential letters on former state legal relations of the earth of Vaadt to the city of Bern»] In Hegel. *Politicheskiye proizvedeniya*. M.: Nauka. P. 54–64.
- Huntington S. (2003). *Stolknovenije tsivilizatsij* [Clash of civilizations]. M.: LLC AST. 603 p.
- Jaures J. (1977). *Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoy revolutsii* [Socialist history of the French revolution]. T. 1, Book 1. M.: Progress. 519 p.
- Kautsky K. (1959). *Put' k vlasti. (Politicheskiye ocherki o vrastanii v revoljutsiju)* [Way to the power]. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. 153 p.
- Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. (2012). Predislovie [Preface]. In Isaev L.M. Shishkina A.R. *Egipetskaya smuta XXI veka*. M. S. 4–7.
- Korotayev A.V. (2014). O vozmojnykh ekonomicheskikh i psikhologicheskikh faktorakh Ukrainiskoy revolutsii 2014 [About possible economical and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014]. *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii*. No. 1. P. 56–74.
- Korotayev A.V., Bilyuga S. E., Shishkin A.R. (2017). VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstracij i uroven' obrazovaniya (kross-nacional'nyj analiz) [GDP on population, intensity of antigovernmental demonstrations and education level (the cross-national analysis)]. *Politea*. No. 1. P. 127–143.
- Lenin V.I. (1969a). Zakljuchitel'noe slovo po dokladu ob ocherednykh zadachah Sovetskoj vlasti (Zasedanie VCIK 29 aprelja 1918 g.) [Concluding remarks according to the report on immediate tasks of the Soviet power (A meeting of VTsIK on April 29, 1918)]. In Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Izd. 5th. T. 36. M.: Politizdat. S. 268–276.
- Lenin V.I. (1969b). Krakh II Internatsionala [Crash of the II International]. In Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Izd. 5th. T. 23. M.: Politizdat. S. 296–305.

- Lenin V.I. (1973). Mayovka revoliucionnogo proletariata [Mayovka of the revolutionary proletariat] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5th. T. 36. M.: Politizdat, P. 296–305. (In Russ.)
- Malthus T.R. (1895). *Opyt zakona o narodonaselenii* [An Essay on the Principle of Population]. M.: K.T. Soldatenkov, O.I. Lashvevich and Co. 321 p.
- Marx K. (1959). K kritike politicheskoi jekonomii [To criticism of political economy]. In Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 13. M. P. 1–167.
- Olson M. (2002). *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge – London: Harvard University Press. 186 p.
- Kurginyan S. (2011). *Politicheskoe tsunami. Analitika sobytij v Severnoj Afrike i na Blizhnem Vostoke* [Political tsunami. Analytics of events in North Africa and in the Middle East]. M.: MOF ETC, 2011. 287 s.
- Saxton G.D. (2005). Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: a New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion. *International Interactions*. 31. P. 1–30.
- Shults E.E. (2014a). Prichiny vozniknovenija radikal'nyh form sotsial'nogo protesta (istoriograficheskij obzor) [Causes of radical forms of social protest (historiographic review)]. *Vestnik MGU. Serija "Politologija"*. No. 2. S. 40–51.
- Shults E.E. (2014b). Prichiny revolutsiy: golova ili koshel'ek? [Reasons of revolutions: head or purse?]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istoriyi*. No. 1. S. 102–119.
- Shults E.E. (2014c). Sirija: k ponimaniju prichin sobytij [Syria: to understanding of the reasons of the events]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. No. 29 (266). S. 35–42.
- Shults E.E. (2014d). *Tehnologii bunta. (Tehnologii upravlenija radikal'nymi formami social'nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Riot Technologies. (Technologies of management of radical forms of social protest in political context)]. M.: PFOP. 512 s.
- Shults E.E. (2015). «Utopiya», «nacionalizm» i «internacionalizm» kak osnova radikal'nyh massovyh form social'nogo protesta [«Utopia», «nationalism» and «internationalism» as basis of radical mass forms of social protest]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*. No. 1. S. 35–43.
- Shults E.E. (2016). *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of revolution: revolutions and modern civilizations]. M.: LENAND. 400 p.
- Spencer G. (2007). *Lichnost' i gosudarstvo* [Personality and state]. Chelyabinsk: Society. 207 s.
- Tilly C. (2006). *Regimes and Repertoires*. London, Chicago: The University of Chicago Press. 266 p.
- Tocqueville A. (2008). *Staryj poryadok i revolyutsiya* [Old Regime and the revolution]. SPb.: Aleteya, 2008. 248 p.
- Turchin P., Korotayev A. (2006). Population Dynamics and Internal Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History*. No. 5 (2). P. 112–147.
- Vasilyev A.M. (2012). Vosstanije v arabskom mire: posevy i vskhody [A revolt in the Arab world: crops and shoots]. In Sledzevskij I.V., Savateev A.D. *Protestnyje dvizheniya v arabskikh stranakh: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferentsii "kruglogo stola"*. M.: LIBROCOM. S. 8–17.